

К. С. АКСАКОВ

О русской истории

Русская история совершенно отличается от западноевропейской и от всякой другой истории. Ее не понимали до настоящего времени, потому что приходили к ней с готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотели ее туда насильно втиснуть, потому что хотели ее учить, а не у нее учиться; одним словом, потому, что позабыли свою народность и потеряли самобытный русский взгляд. Настоящее время не таково: его смысл, его труд заключается именно в пробуждении русского — в русских, и в возвращении русским — русского. Русская история начинает являться в своем настоящем свете. Были патриоты на западный лад, им хотелось было увидеть в русской истории всех западных героев, все западные славные дела, и они раскрашивали русскую историю иностранными красками: дело, разумеется, не клеилось, и история только обезображивалась. Такое направление настало вскоре после переворота Петра Великого, после которого появились в русской земле невиданные дотоле патриоты — иностранные и по имени и по духу. Не только подвиги и герои Запада, но и Рима и Греции, потребовались тогда для русской истории поэтам и прозаикам, как будто бы русская история непременно нуждалась в повторении великих дел народов чуждых, как будто бы она не могла явить своих подвигов и своих мужей, которые ни у кого не заимствованы. Время таких попыток и такого патриотизма, кажется, наконец прошло. Между тем западное влияние все еще держится. И вот, другие люди, не желая (очень справедливо) строить русской истории по западному образцу, но имея в то же время (к сожалению) только западные понятия об истории и не находя в русской истории никакого сходства с Западом, — в ней уже ровно ничего не видят; т. е. просто ее не понимают. Нетрудно, кажется, угадать, что и то и другое мнение ошибочно.

В самом деле, русская история в сравнении с историей Запада Европы отличается такой простотой, что приведет в отчаяние человека, привыкшего к театральным выходкам. Русский народ не любит становиться в красивые позы; в его истории вы не встретите ни одной фразы, ни одного красивого эффекта, ни одного яркого наряда, какими поражает и увлекает вас история Запада; личность в русской истории играет вовсе небольшую роль; принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ее — и нет у нас. Нет рыцарства с его кровавыми доблестями, ни бесчеловечной религиозной пропаганды, ни крестовых походов, ни вообще этого беспрестанного щегольского драматизма страстей. Русская история — явление совсем иное. Дело в том, что здесь другую задачу задал себе народ на земле, что христианское учение глубоко легло в основание его жизни. Отсюда среди бурь и волнений, нас посещавших, эта молитвенная тишина и смирение, отсюда внутренняя духовная жизнь веры. Не от недостатка сил и духа, не от недостатка мужества возникает такое кроткое явление! Народ русский, когда бывал вынужден обстоятельствами явить свои силы, обнаруживал их в такой степени, что гордые и знаменитые храбростью народы, эти лихие бойцы человечества, падали в прах перед ним, смиренным, и тут же в минуту победы дающим пощаду. Смирение в настоящем смысле несравненно большая и высшая сила духа, чем всякая гордая, бесстрашная доблесть. Вот с какой стороны, со стороны христианского смирения, надо смотреть на русский народ и его историю. В таком народе не прославляется человек с его делами, прославляется один Бог. Чтобы в этом увериться, стоит только припомнить нашу историю. Русские одерживают невероятную победу, и, говоря о ней без всякого слова похвалы или гордости, приписывают ее помощи Божией; не чувство победного триумфа одушевляет их, а чувство благодарности к Богу. Налетают татары или поляки — народ говорит: это за грехи наши, мы прогневили Господа — кается и выходит на неизбежную брань. Победены татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва, русский народ не ставит памятников ни делу, ни человеку, а строит церкви и учреждает крестные ходы. Скажем здесь кстати о русском народе, что до христианства он был уже добрая почва и что слово Божие, упавшее на него, как на добрую почву, возросло во благо. Поэтому (согласно и с духом русского народа, согласно и с вечными началами веры, которыми, по благодати Божьей, был он просветлен) исполнена такой глубокой простоты русская история; поэтому не встретите вы в ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляет человека любоваться собою

в своем собственном порыве, говорить фразы, щеголять нарядом тела и души. В русском мире нет ничего гордого, ничего блестящего, ни единого эффекта. Все просто. Слово скупое; вы встретите его столько, сколько нужно для дела, скорее даже менее, чем нужно для дела. Совершаются великие дела — без щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Собор без всяких театральных обстановок, а просто для дела. Идут освобождать Москву, зовут друг друга на общий подвиг, искренно и просто. И все кажется некрасиво и не видно для неглубокого взгляда — тому, кто не заметит великости смирения и внутренней силы, для того нужной. А кто заметит, кто увидит это, перед тем побледнеют все иллюстрированные картинки, которыми так богаты истории других народов. В самом деле, какая может там быть красивость и блеск, где нет поклонения человеку, где человек не любит себя сам собой, где он, христианин, постоянно сознает себя греховным и недостойным и смиряется, молясь перед Богом. Здесь высшая духовная красота, не многим понятная. Но русский народ не впал и в другую гордость, в гордость смирения, в гордость верою, т. е. он не возгордился тем, что он имеет веру. Нет, это народ христианский в настоящем смысле этого слова, постоянно чувствующий свою греховность. *История русского народа есть единственная во всем мире история народа христианского не только по исповеданию, но по жизни своей, по крайней мере, по стремлению своей жизни.* Да не подумают, чтобы я считал историю русскую историей народа святого. О, я тем бы нарушил и свое мнение о нем, и святыню его смирения! Нет, конечно, это народ грешный (безгрешного народа быть не может), но постоянно, как христианин, падающий и кающийся, — не гордящийся грехами своими, не имеющий именно тех блестящих суетных сторон, той славы, величания и гордости земной других народов, которые показывают уже нехристианский путь. Грех был для русского народа всегда грехом, а не добродетелью; он в нем каялся, а не хвалился им. Начало всей его жизни, от которого по слабости человеческой он в поступках и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая к нему стремиться и сознавая в таком случае себя виновным, есть вера православная. Недаром Русь зовется святой Русью*.

Ошибутся те, которые подумают, что, может быть, в этом выражении заключается какое-то гордое предпочтение и похвала Руси,

* Сбоку приписано рукой автора: «Назначение России было, казалось, явить на земле народ христианский по своему верованию, по стремлению, по духу своей жизни и, сколько то возможно, по своим действиям». — *Примеч. И. С. Аксакова.*

Святая Русь: под этим словом русский народ понимает веру православную... Я скажу даже, что чувство *Отечества* мало является в нашей истории сравнительно с чувством веры. Это давно уже выражено ясно на Руси. Нестор в летописи, говоря, что у всякого народа (языческого) свой обычай, сказал: *«Мы же, христиане, закон имамы един, елици во Христа крестихомся, во Христа облокохомся»*. Вот когда (и вот как ясно, глубоко и истинно) уже перейдены были границы той исключительной национальности, в которой пребывали мы, по мнению Запада, до начала прошедшего столетия, и которой у нас никогда не было. Итак, единство веры — вот главное. Иной подумает, что народность как будто исчезает здесь; но разве не народ русский стал на такую высокую степень? Разве не он явил такое глубокое понимание веры? Он, именно он поставил христианскую веру главным основанием всего в жизни, — и вот его духовная — народная связь, и вот эти, не уважаемые миром духовные сокровища его: терпение, простота и смирение.

И Господь возвеличил смиренную Русь. — Вынуждаемая своими драчливыми соседями и пришельцами к отчаянной борьбе, она повалила их всех одного за другим. Ей дался простор на земле. В трех частях света ее владения, седьмая часть земного шара принадлежит ей одной. В ее пределах невыносимое знойное лето и невыносимая вечная зима: в ее пределах солнце восходит на одном конце и заходит на другом в одно и то же время. И вот гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ее духовной силы, увидела страшное могущество силы материальной и для нее понятной, — и снедаемая ненавистью, в каком-то тайном ужасе, смотрит она на это страшное, полное жизни, тело, — души которого понять не может...

Еще в начале предисловия, говоря о России, мы указывали на Запад и сравнили его с нею. Мы намерены несколько продолжить это сравнение, но считаем нужным здесь оговориться. Сравнение Русской земли с Западом в настоящее время необходимо: 1) потому, что поклонники Запада и порицатели русской жизни на него указывают и непременно вызывают нас на то же самое. 2) Потому, что у нас теперь и вообще господствует западная точка воззрения на жизнь и на историю, почему отделение русской жизни от Запада, ее отличие, выставить необходимо. 3) Наконец потому, что Россия подверглась сильно влиянию Запада, что часть русской земли, именно те сословия, которые считались *передовыми*, пользуются преимуществами, властью и богатством, пошли на западный путь; потому что Запад вошел и в Россию, находится и в ней, если не перерождая, то искажая русских людей, увлекая

их за собою, делая их жалкими себе и своей лжи подражателями, отрывая их от самобытности, от их родных, святых начал. — Вот причины, почему, говоря о России, считаем мы нужным говорить о Западе, почему сравнение и различие здесь, хотя в некоторой степени, по нашему мнению, необходимо.

Самое поразительное различие между Русью и Западом является при сравнении хороших, так сказать, сторон, славы последнего со славою или, лучше, со смирением первой. Это мы уже невольно сделали выше, говоря о русской земле. Но различие тоже яркое является нам, если мы сравним и темные стороны. Страшные преступления Запада, его превосходящее всякую меру зверство, предательство, все возможные гнусности составляют едва ли не противоположность к темной стороне истории русской. В русской истории встречаются преступления, но они лишены этого страшного, нечеловеческого характера, по которому человек становится в разряд животных, как новый совершеннейший вид его, и которым отличаются кровавые дела Запада. В русской истории, как сказал я, этого не видеть. Преступления не носят на себе признаков утонченного зверства и они не часты; а если случаются, то приводят в ужас всю землю русскую. Есть падения, пороки, но они не лишены человеческого характера, и если встречается злодейство, то впечатление, производимое им, показывает, как живо в русской земле человеческое чувство. Основное, что лежит в душе русской земли, что хранит ее, что высказывается в ней как главное, что движет ее — это чувство веры.

Запад весь проникнут ложью внутренней, фразою и эффектом: он постоянно хлопочет о красивой позе, картинном положении. Картинка для него все. Покуда он был молод, картинка еще была хороша и красива сама по себе: красив был рыцарь в железных латах, красив был хитрый, безжалостный монах; красивы были художники XV столетия. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящие силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза, даже без пылкости юношеской, тогда это становится в высшей степени жалким и сказать ли? — отвратительным явлением. Таков Запад теперь в своих смутах, без всякой внутренней жизни, даже без кипения крови. Таковы теперешние его борьбы и волнения, волнения и борьбы без малейшего убеждения, без малейшей искренности, без малейшего увлечения, совершающиеся в страшной апатии, вялые, несмотря на напряженность. Скука и безучастие, отсутствие энергии во всех кровопролитиях и смятениях. Старческие мечты Запада, мечты, лишенные своей единственной правды, кипения молодой крови, мечты, которыми разгорячал он себя так долгое время, подействовали на него, как

раздражительное средство, и привели в механическое движение его ослабший организм. Если нет духа, если нет внутренней силы, то нет и истинной жизни. С другой стороны, гибельна гордость, гибельна картинка и фраза для человека.

Мы сказали, в чем сила и основа русской земли, в чем сущность ее жизни, в чем отличие ее от других народов, в чем дух ее истории. Мы сказали, что это единственная во всем мире история народа христианского не в слове, но и в деле, не в исповедании, но и в жизни, — по крайней мере по стремлению. Но сохранила ли Русь свои святые начала? То ли она ныне, что была прежде? — Вот вопрос. Какой же ответ?

Я должен сказать теперь о перевороте в русской истории, важнейшем из всех переворотов, ибо он коснулся самых корней родного дерева. Я говорю о перевороте Петра. Из могучей земли, могучей более всего верой и внутренней жизнью, смирением и тишиной, Петр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников ее жизни, захотел втолкнуть Русь на путь Запада, путь, о котором мы сейчас говорили, путь ложный и опасный. Петр подчинил Россию влиянию Запада; всем известное подражание Западу доходило до неистовства. От Запада Россия принимала все, начиная от начал до результатов, от образа мыслей до языка, покроя платья (исторически всегда начиная с последних и доходя до первых). Горькое, горькое явление! Бедственное и унижительное! Но — благодарение Богу — не вся Россия, а только часть пошла этим путем. Только часть России оставила путь смирения и, следовательно, веры, — в делах по крайней мере. Но эта часть сильна и богата, от нее зависит другая, не изменившая вере и земле родной... Но явление горькое! изменившая родным началам часть России — все же русские люди; они имеют влияние на дела русской земли и если не соблазняют всей массы верных, то часто отрывают от нее поодиночке то того, то другого. Сверх того, увлекшееся Западом общество составляет (невольно) наружность русской земли, имеет полный голос, и его соблазнительные возгласы и действия слышны и видны всей земле русской и, конечно, вредны. Оно именно на виду к соблазну народа; оно себя считает деятельной стороной русской земли... Но как сказал я, только часть России, так называемая образованная часть, пошла по пути Запада, оставив путь родной земли; слава Богу, и среди этой части, изменившей родной земле, возникла мысль, что надо воротиться к началам родной земли, что путь Запада ложен, что постыдно подражание ему, что русским надо быть русскими, идти путем русским, путем веры, смирения, жизни внутренней,

надо возвратить самый образ жизни, во всех его подробностях, на началах этих основанный, и следовательно, надо освободиться совершенно от Запада, как от его начал, так и от направления, от образа жизни, от языка, от одежды, от привычек, обычаев его, именно от этого света и светскости, вошедших к нам, одним словом, от всего, что запечатлено печатью его духа, что вытекает даже как малейший результат из его направления. Русским надо освободиться от влияния Запада, надо быть русскими, надо быть необходимо вместе с теми верующими и смиренными, не на словах только, но в самой жизни (общественной), во всем объеме жизни. Это мнение высказывается сильнее и сильнее в рядах изменников и борется с противоположным западным направлением.

Итак, что же представляет теперь земля русская? — В основании видим мы простой народ, так же как и в старину, верующий глубоко, хранящий святыне свои основы, веру и быт, с нею согласный; но он лишен всякого участия в общих делах; в русской истории его действие чисто охранительное... Гордость, презрение к русской жизни и к языку, несогласие образа жизни с верою, нетерпение и торопливая переимчивость — вот его добродетели. Но теперь именно над русским простым народом и над его священным миром и тишиною, в обществе, русским началам изменившем, идет вражда, и борются два направления. Одно силится поддержать свою неправду — измены всему русскому и покорности западным уставам. Другое искренно жаждет восстановления русских святынь начал веры, русского основного образа жизни, всего русского духа, русского ума и христианских добродетелей, по крайней мере, в общем деле. С одной стороны, всякое упорство и желание, поблажающее удобной лени, остаться без труда подражателями Запада, пользоваться всеми его политическими благами, повторять за ним все слова и действия его, и не знать труда самостоятельной жизни; с другой стороны: бодряя надежда и деятельное стремление возвратиться к святым началам русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремление есть правое и законное и спасительное? Вот борьба, которая идет над простым народом. Таково современное положение русской земли...

